

СОЦИОЛОГИЯ ПЕРЕМЕН

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2S.817

EDN: FJHZAH

«Запрос на перемены» в социологии и в СМИ (Памяти В. В. Петухова – «изобретателя» понятия/мема)¹

Ссылка для цитирования: Латов Ю. В., Латова Н. В. «Запрос на перемены» в социологии и в СМИ (памяти В. В. Петухова – «изобретателя» понятия/мема) // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 2S. С. 74–87. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2S.817; EDN: FJHZAH

For citation: Latov Yu. V., Latova N. V. “Demand for change” in sociology and in the media (in memory of V. V. Petukhov – “Inventor” of the concept/meme). *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2S. P. 74–87. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2S.817; EDN: FJHZAH

**Латов
Юрий Валерьевич¹**

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

latov@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 152966

**Латова
Наталия Валерьевна¹**

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

latov@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 135286

Аннотация. Одна из малоизвестных заслуг Владимира Васильевича Петухова – «изобретение» ставшего в последние годы популярным научного термина (и одновременно медийного мема) «запрос на перемены». В статье сделана попытка, опираясь на идеи социологии понятий и на материалы контент- и дискурс-анализа российских СМИ при помощи СКАН-Интерфакс, проследить формирование и развитие этого понятия/мема, а также определить его содержание. Впервые использованный в конце 1990-х гг., он стал приобретать «вирусный» характер на рубеже 2000–2010-х гг., позволяя фиксировать подъёмы и спады общего социального недовольства, но в то же время не позволяя решить, как это недовольство соотносится с традиционными обозначениями социально-политических

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Социальная трансформация российского общества: акторы запроса на перемены» № 19-011-00277.

конфликтов. «Расшифровка» понятия «запрос на перемены» требует понимания, идёт ли речь о желании современных россиян к революционным или эволюционным изменениям. Сам В. В. Петухов склонялся к эволюционистской трактовке, считая, что запрос на, прежде всего, расширение демократического участия далёк от «революционной ситуации». Окончательный ответ о сущности данного социального явления сможет дать только ближайшее десятилетие российской истории.

Ключевые слова: запрос на перемены, социология понятий, общественное сознание, эволюционные и революционные изменения

«...Из слов системы создаются...»: парадигма социологии понятий и мемов

Одним из новых и пока ещё относительно малоизвестных в России направлений социологических исследований, связанных с мета-парадигмой символического интеракционизма, является социология понятий [1], углубляющая родившуюся ещё в конце прошлого века меметику (изучение мемов) [17; 19]. Суть данного подхода к социальной жизни заключается в том, что «слова», которыми обозначают объективно существующие социальные явления, не просто отражают/маркируют обозначаемые объекты, но и, структурируя определенным образом сознание людей, оказывают обратное влияние на сами эти явления. Например, обсуждение событий 1991 г., как было недавно метко подмечено В. П. Макаренко на «круглом столе» в «Социологических исследованиях», существенно зависит от того, обозначим ли мы их «развалом» или «распадом». Ведь «часто употребляемый термин “развал” содержит скрытую нацеленность на поиск виновника, а значит, при использовании указанного термина в социологическом обиходе мы сразу попадаем в круг ангажированной публицистики. Между тем при обсуждении проблемы “Куда идёт Россия?” на семинарах под руководством Т. И. Заславской в 1990-е гг. использовался термин “распад”, отсылающий скорее к природным процессам, а не к политической квалификации происходящих процессов» [4, с. 17].

Этот важный социальный феномен, когда использование определённых слов/выражений явным или неявным образом задаёт тональность и границы обсуждения определённых явлений, раньше всего было отмечено при изучении СМИ, медийных массовых коммуникаций. Генерирование и распространение в масс-медиа устойчивых терминов-мемов (клише, штампов) в значительной степени связано с начавшимся век назад системным вовлечением в политическую жизнь (хотя бы только в качестве пассивного электората) «простых» людей, не привыкших к постоянному критическому осмыслению сложных проблем. Активное использование таких терминов (типа «агенты империализма» в 1950-е гг., «новое мышление» в 1980-е гг., «национализация

элит» в 2010-е гг.) чётко маркирует «своих». Они рассчитаны в первую очередь на граждан с низкой рефлексией, но прошедших первичную политическую социализацию и чётко знающих, кого они считают «своими». Задача таких терминов – обеспечивать наиболее лёгкий (краткий и «бездумный») путь к пониманию высказывания, облегчать «опознание» единомышленников, принадлежащих к определённому идеологическому дискурсу, и обмен с ними мнениями, поддерживающими этот дискурс. Как своего рода политический язык (вспомним «речекряк» в «1984» Оруэлла), он направлен главным образом на воспроизводство определённой политической позиции, а не на облегчение научного выяснения сущности явления.

Соответствующие термины-мемы постоянно обновляются – рождаются (входят в массовое употребление, как термин «(анти)перестроенчик» в 1980-е гг.) и умирают (уходят из активного обихода, как тот же термин в 1990-е гг.). Наиболее удачные становятся «вирусными» и стремительно распространяются, обновляя язык обсуждения и алгоритмы осмысления социальных явлений. Эти динамические процессы связаны как с появлением новых реалий (например, «партии власти»), так и с распространением новых точек зрения на ранее существовавшие явления (как в меме «вашингтонский обком»).

Научная терминология может показаться антитезой мемам СМИ, но на самом деле между ними немало общего. Особенно это касается языка общественных наук. В качестве примера достаточно сопоставить понятия «капиталист» и «предприниматель»: обозначая одну и ту же социальную группу (соответственно в марксистском и в либеральном дискурсах), они акцентируют внимание на очень разных (эксплуататорском и инновационном) аспектах деятельности тех, кто используя капитал, предпринимает хозяйственные действия. Поскольку язык обсуждения существенно детерминирует его характер, «запуск» в общественное сознание нового «вирусного» термина («прибавочная стоимость», «симулякр», «рентоискательство» и т. д.) становится важным элементом конкуренции научных школ. Разница между мемами СМИ и терминами научных работ связана с тем, что учёные, как правило, обладают сильной рефлексией и хорошо понимают опасность расхождения между обозначаемым (явлением) и обозначением (словом). Поэтому если в СМИ наблюдается «война мемов», то в научной литературе постоянно происходит обсуждение понятийного аппарата для его уточнения.

Между мемами СМИ и терминами научной литературы нередко происходит смычка, когда рождается обозначение какого-то нового явления. Эта смычка происходит наиболее легко, если «изобретатель» нового термина работает одновременно и для прессы, и для науки. В этой связи можно вспомнить, что термин «революционная ситуация» был первоначально использован В. И. Лениным в мимолётной статье для партийной газеты, а в научную литературу по социологии революции он перешёл из политического языка примерно через полвека.

Далее будет рассмотрено одно из новых понятий, «запрос на перемены», которое играет большую роль в осмыслении современного развития России, находясь на стыке научной и публицистической терминологии.

«В начале было Слово...»: рождение «запроса на перемены»

Термин «запрос на перемены» относится к тем новым мемам, формирование которых удаётся относительно чётко проследить до самых истоков. Первое его употребление фиксируется в либеральной «Общей газете» в заметке «Электорат покладистее, чем народ» от 9 апреля 1998 г. Она открывалась изложением мнений В. В. Петухова и Л. Г. Бызова, представителей Российского независимого института социальных и национальных проблем¹: «...Социальный запрос среднего класса и молодёжи, составляющей основу этого класса, намного сложнее, чем простое отрицание социалистических ценностей. И самое, пожалуй, главное в их запросе – требование перемен. [...] Запрос на перемены, инициируемый самой дееспособной частью общества, [однако] еще далек до окончательного политического оформления».

Новое понятие родилось, видимо, как побочный результат обработки материалов проведённого в июле 1997 г. общероссийского опроса по репрезентативной выборке, в одном из вопросов которого респонденту предлагалось выбрать одно из полярных суждений – считает ли он, что «жить в непрерывно меняющемся обществе трудно, но всё-таки интересно», или «"Все перемены к худшему", поэтому я хотел бы, чтобы мир вокруг остался таким, каким я привык его видеть»². Тогда, в 1997 г. (как и сейчас, в 2021 г.), ответы на этот вопрос делили российских респондентов в пропорции примерно 1:1. Если половина россиян стремится к изменениям, то это действительно правомерно трактовать как массовое недовольство существующими «правилами игры».

Интересно отметить, что при «рождении» понятие «запрос на перемены» означал едва ли не противоположное тому, как его трактуют сейчас. В момент своего случайного рождения (авторы, академические учёные, заведомо не стремились создавать медийный мем, да и как новый научный термин стали активно его использовать заметно позже) этот термин обозначал стремление людей, взрослых в 1980–1990-е гг., сохранить отказ от советского «социализма», но отказаться от «перегибов» радикально-либерального курса режима Б. Н. Ельцина. Этот запрос, как

¹ С 2001 г. переименован в Институт комплексных социальных исследований РАН, который в 2005 г. вошёл в Институт социологии РАН.

² Похожий вопрос использовался и раньше (например, в 1995 г.). Впоследствии в анкетах Института социологии данный вопрос не раз трансформировался. В последних опросах 2020-х гг. он формулируется так: «Каково Ваше мнение о необходимости перемен в жизни страны? Страна нуждается в существенных переменах, нужны новые реформы в экономической и политической жизни страны / Страна нуждается в стабильности, это важнее, чем перемены».

известно, привел к формированию нового режима В. В. Путина, который до конца 2000-х гг. более-менее удовлетворял подавляющую массу. Своего рода второе рождение этого понятия, связанное с началом его медийного «раскручивания», произошло уже на рубеже 2000–2010-х гг., когда политический режим В. В. Путина прошёл, как тогда казалось, пик популярности.

Превращение «требования перемен / запроса на перемены» из академического обозначения недовольства россиян существующим политическим режимом в либеральный термин-мем, активно используемый в СМИ, произошло в силу его резонанса с культурными символами «перестроечных» 1980-х гг. Ведь понятие/мем «перемены» восходит к очень популярной песне конца 1980-х гг. «Мы ждём перемен» Виктора Цоя, ставшей тогда эмоциональным символом движения за перестройку («Перемен требуют наши сердца, Перемен требуют наши глаза...»). Этот символ был удобен тем, что, уклоняясь от обозначения направленности и сущности перемен (в песне ничего не сказано, *каких* же именно перемен «требуют наши сердца»), он связывал желание перемен с негосударственным дискурсом («всё находится в нас») и придавал этому желанию сильную позитивную эмоциональную окраску. С конца 2000-х гг. когда режим В. В. Путина впервые начал входить в состояние кризиса, закрепилось использование мема «перемены» в рамках именно либерально-оппозиционного дискурса. Например, в декабре 2008 г. во время учредительного съезда «Солидарности» (одним из её руководителей был Б. Е. Немцов) песню «Мы ждём перемен» объявили даже гимном этого оппозиционного либерального движения.

В научной литературе активное использование данного термина развернулось несколько позже, уже в конце 2010-х гг., как реакция на фиксируемое во время мониторинговых опросов сильное повышение доли россиян, желающих перемен (с 30% весной 2014 г. до 56% весной 2018 г.). Поскольку те социологи, которые этот термин «породили», работали в Институте социологии ФНИСЦ РАН, вполне естественно, что о «запросе на перемены» писали в первую очередь именно сотрудники этой организации (особенно ближайшие коллеги В. В. Петухова) [19; 13; 8; 14; 6; 16; 12; 9]. Нередко о запросе писали и представители других центров российского обществоведения ([2; 10; 3] и др.), включая Левада-Центр¹ и ВЦИОМ.

Распространение нового понятия было связано не только с умеренно-критическими взглядами многих российских обществоведов, но и с удобством этого термина для изучения современных социально-политических противоречий и конфликтов. Он позволял фиксировать рост общего социального недовольства, уходя от трудного вопроса, как это недовольство соотносится со «старыми» обозначениями социально-политических конфликтов. Ведь термин «перемены» довольно расплывчат, обозначая стремление к чему-то неопределенно новому. Но насколько при «переменах» новое отличается от старого? Наиболее общепринятые современные контексты таковы («произошла большая перемена», «всё

¹ Левада-Центр внесен Минюстом России в реестр иностранных агентов.

переменилось» и т. д.), что обозначают скорее *сильные* (качественные) изменения. В то же время старый словарь Д. Н. Ушакова определяет перемены как «замена одного чем-нибудь другим однородным», что предполагает изменения скорее *умеренные* (количественные). Эта многозначность отражена и в научной литературе: если одни авторы «подтягивают» контекстуальное значение «перемен» к радикальной трактовке (например, питерские исследователи, аффилированные с Фондом Карнеги и Левада-Центром, прямо писали о спросе «на радикальные изменения»), то другие используют его в более умеренном контексте [11].

«Словами диспуты ведутся...»: контент- и дискурс-анализ «запроса на перемены»

Контент-анализ использования «запроса на перемены» в ведущих федеральных СМИ показывает¹, что и в количестве публикаций (рис. 1), и в индексе их заметности (рис. 2) четко прослеживаются два пика – в 2012 г. и в 2018–2020 гг.

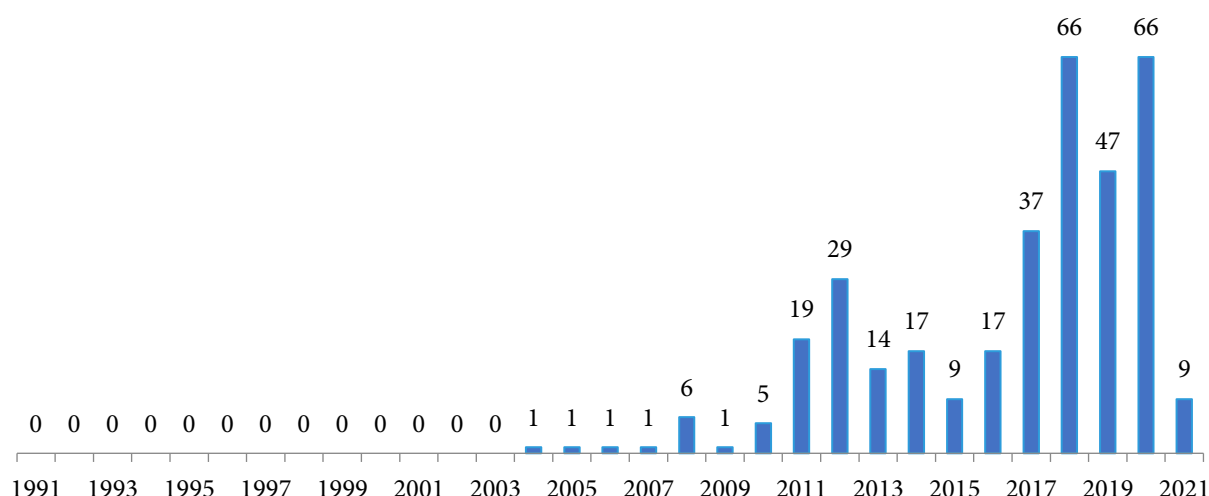

Рис. 1. Постсоветская динамика количества публикаций российских СМИ из Топ-297, использующих термин «запрос на перемены» (до июля 2021 г.)

Figure 1. Post-Soviet dynamics of the number of Russian media publications from the Top-297 using the term “demand for change” (until July 2021)

Первый пик однозначно связан с «болотной революцией» 2011–2013 гг. – самым сильным массовым «антиправительственным» выступлением, во время которого доминировали лозунги и дей-

¹ Для количественного анализа сообщений СМИ использовались возможности действующей с 2018 г. системы СКАН-Интерфакс (<https://web.scan-interfax.ru>). В качестве источников «медиалогической» информации использовался набор топовых источников, состоящий из 297 газет и журналов федерального уровня («Российская газета», «Коммерсантъ», «Независимая газета», «Московский комсомолец», «Аргументы и факты», «Огонек», «Профиль», «Эксперт» и др.). Для понимания ограничений медиалогического анализа надо учитывать, что используемый Топ-297 хорошо отражает ситуацию 2010–2020-х гг., но гораздо хуже – 1990-х гг., когда многих ныне популярных российских СМИ еще не было, но высокую популярность имели некоторые СМИ, позже прекратившие существование.

ствия либеральной оппозиции. Второй – гораздо более сильный – пик связан не столько с какими-то конкретными политическими событиями, сколько с нарастанием «вирусности» этого мема в научных и медийных обсуждениях (в частности, связанных с активным обсуждением ежегодного послания В. В. Путина Федеральному собранию в январе 2020 г. и поправок к Конституции РФ в январе-марте 2020 г.).

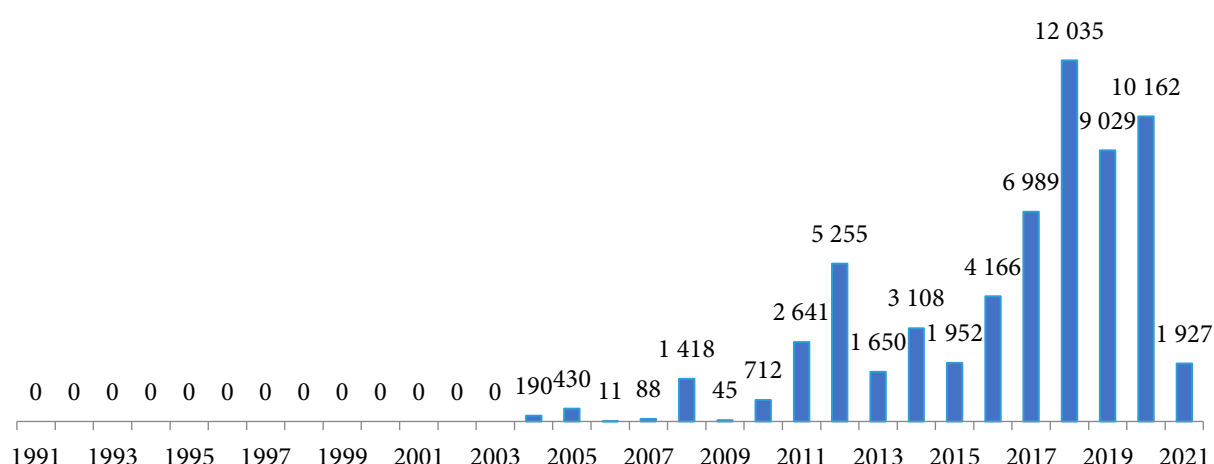

Рис. 2. Постсоветская динамика индекса заметности публикаций российских СМИ из Топ-297 с термином «запрос на перемены» (до июля 2021 г.)

Figure 2. Post-Soviet dynamics of the visibility index of Russian media publications from the Top-297 with the term “demand for change” (until July 2021)

Однако уже во второй половине 2020 г. использование в СМИ данного мема пошло на спад, а в 2021 г. данный мем ушёл на периферию активной «повестки дня», хотя и отнюдь не выпал из неё (рис. 3).

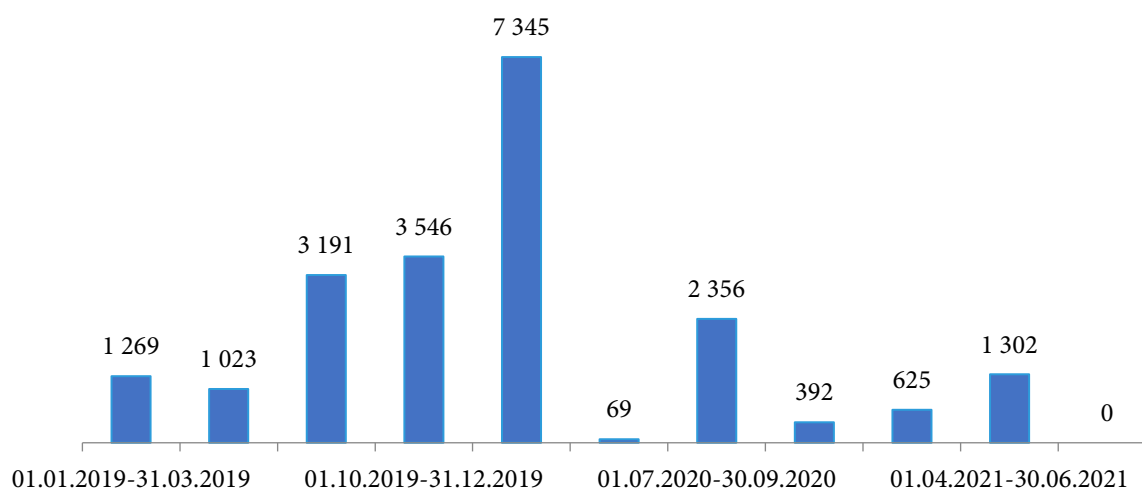

Рис. 3. Квартальная динамика в 2019–2021 гг. индекса заметности публикаций российских СМИ из Топ-297 с термином «запрос на перемены» (до сентября 2021 г.)

Figure 3. Quarterly dynamics of the visibility index of Russian media publications from the Top-297 with the term “demand for change” in 2019–2021 (until September 2021)

Отчасти это связано с тем, что «изобретатели» данного мема, вносящие в его популяризацию (не только в научных публикациях, но и в выступлениях в СМИ) существенный вклад, почти одновременно

ушли из жизни (в 2019 г. – Л. Г. Бызов, а в 2021 г. – В. В. Петухов). Более существенную роль сыграло, очевидно, «переключение» общественного сознания в связи с коронакризисом, под влиянием которого оппозиционная активность сильно деактуализировалась. Важно отметить также попытку «перехвата» применения данного мема, в качестве которого можно воспринимать его использование в послании В. В. Путина Федеральному собранию в январе 2020 г.¹ Возможно, после завершения коронакризиса произойдёт возвращение к докризисной «повестке дня», включая эксплуатацию мема «запрос на перемены», но он может и выйти из активного медийного употребления, оставшись только в научном дискурсе, где он и родился.

Просмотр статей последних лет с упоминанием «запроса на перемены», имеющих высокие индексы заметности по СКАН-Интерфакс, показал, что они практически все опубликованы в либеральных СМИ. Вот некоторые примеры:

– Еременко Е., Шамардина Л., Иванов М. На востоке не выдерживают мэры // Коммерсантъ. 26 января 2019 г. (индекс = 432): приводится цитата из выступления депутата народного хурала Бурятии, что «в республике есть запрос на перемены».

– Дергачев В., Галимова Н. Россияне одобрили сменный график для партии власти. ВЦИОМ изучил мнение населения об устройстве партийно-политической системы страны // Ежедневная деловая газета РБК. 27 ноября 2019 г. (индекс = 422): «Социологи говорят о сочетании запроса на перемены с внутренним табу на социальные потрясения и революционные изменения...».

– Соловьев В. Владимир Зеленский выведен из-под обстрела // Коммерсантъ. 31 июля 2019 г. (индекс = 419): приводится цитата из выступления постпреда России на заседании постоянного совета ОБСЕ в Вене, что «парламентские выборы на Украине подтвердили наличие в обществе запроса на перемены».

– Галимова Н. Две трети россиян ждут конституционных перемен. Социологи ФОМ изучили отношение населения к основному закону // Ежедневная деловая газета РБК. 10 декабря 2019 г. (индекс = 419): изложены мнения экспертов-обществоведов, что «сейчас запрос на перемены выражен сильнее, чем запрос на стабильность», «проблема не в Конституции, а в росте запроса на перемены».

По этим текстам заметно «академическое» происхождение мема «запрос на перемены», который встречается, прежде всего, в изложении аналитических мнений учёных. Но налицо и элементы «вирусности», когда данный термин начинает использоваться уже совершенно вне российского контекста – при характеристике на международном форуме ситуации в совсем другой стране (на Украине).

¹ Путин: В обществе четко обозначился запрос на перемены // Российская газета. 15 января 2020 г. URL: <https://rg.ru/2020/01/15/putin-v-obshchestve-chetko-oboznachilsia-zapros-na-peremeny.html> (дата обращения: 10.12. 2021).

Таким образом, термин-мем «запрос на перемены», родившийся 25 лет назад, однозначно смог за четверть века выйти за пределы породившей его академической среды и сохраняет шансы стать массово распространенным. Поскольку приближается 2024 г., когда неизбежно обострится вопрос об именно *качественных* «переменах» в российской институциональной системе, данный мем еще может стать активным инструментом распространения оппозиционного подхода к осмыслению соотношения стабильности и изменений в национальных «правилах игры».

«Коль скоро недочёт в понятиях случится, их можно словом заменить»: «запрос на перемены» как иносказание

В заключении скажем несколько слов о проблеме «расшифровки» понятия «запрос на перемены» – его «перевода» на язык традиционных социологических понятий. Главный вопрос заключается в том, идёт ли речь о желании россиян к *эволюционным* изменениям *в рамках* существующей институциональной системы (включая политический режим) или о *революционных* изменениях *за рамками* этой системы (т. е. предполагающих если не смену режима, то его радикальное реформирование)?

На этот трудный вопрос вряд ли можно дать однозначный ответ. Сам Владимир Васильевич Петухов, «изобретатель» понятия «запрос на перемены», считал, что радикализм этого запроса категорически не надо преувеличивать, склоняясь тем самым к его умеренно-реформистской трактовке. В одной из своих самых последних статей он вынес в заглавие «запрос на демократическое участие» [15]; это – определенно «мягкая» (эволюционистская) интерпретация современных требований институциональных изменений.

Действительно, большинство современных россиян, скорее всего, в той или иной степени согласятся с тезисом В. В. Путина, что наша страна «исчерпала лимит на революции»¹ (также ставшим мемом). Это критическое отношение «простых» людей к «революционаризму» – реакция не столько на «начальственную» критику революций 1917 г., сколько на собственные воспоминания о тяжелых последствиях радикально-либеральных «перемен» в 1990-х гг. (революционный характер которых, однако, отрицается). Видимо, эти воспоминания являются одной из причин того, что доля россиян, стремящихся не к стабильности, а к переменам, прекратила рост еще в 2018 г., так что последние три года между сторонниками перемен и приверженцами стабильности выдерживается примерное равенство. При этом, конечно, многие россияне не ассоциируют «перемены» обязательно лишь с либеральным

¹ См., например: Путин заявил, что Россия исчерпала лимит на революции // РИА Новости. 13 октября 2021 г. URL: <https://ria.ru/20211013/revolyutsii-1754410706.html> (дата обращения: 10.12. 2021).

дискурсом и понимают их в соответствии с общекультурным смыслом данного слова, как обозначение любых существенных (качественных), или даже просто любых (не обязательно качественных) изменений «правил игры» в общественной жизни.

Вопрос о том, не скрывается ли за «запросом на перемены» стремление продолжить «антиноменклатурную» революцию 1989–1993 гг., труден в силу того, что культура использования понятия «революция» в постсоветский период сильно деградировала не только в обыденном, но и в научном дискурсе. В рамках советского обществоведения было общим местом признание того, что «революция» есть, прежде всего, качественное изменение «правил игры», которое может произойти как с широким использованием вооруженного насилия, так и практически без него (предположим, путем парламентских выборов). В этой связи можно вспомнить, что собственно Октябрьский переворот 1917 г. в Петрограде был на удивление бескровным (при штурме Зимнего дворца – менее десятка погибших), что парадоксально сближает его с современными «цветными революциями». Однако в современных дискурсах прочно утвердилось понимание революций как разрушительных взрывов политического насилия, которые скорее тормозят национальное развитие, чем ускоряют (подробное изложение проблемы стигматизации социологии революции см. [7]). В результате понятие «перемены» постепенно начинает выполнять в отечественном обществоведении роль ранее (в советские времена) общепризнанного концепта «революция», о котором, так сказать, «приказано забыть».

Поскольку упоминание о революционном характере желаемых изменений находится в современной России под неявным запретом, при составлении анкет российские социологи уточняют смысл стремления к «переменам», противопоставляя его стремлению к стабильности¹. Но такое противопоставление означает, по существу, именно революционные (качественные) изменения. Действительно, эволюционные изменения стабильности общества не противоречат, зато революционные по определению ведут к разрушению стабильности, к смене «правил игры» в обществе. Перефразируя пословицу, когда «революцию» и «революционную ситуацию» выгнали в дверь, они влезли в окно, вернувшись в научную терминологию и в медиа-публицистику в виде «перемен» и «запроса на перемены».

¹ Такой дизайн анкет типичен для опросов, организуемых Институтом социологии ФНИСЦ РАН. В опросах более либерального Левада-Центра в 2017–2018 гг. была предпринята попытка отойти от дуальной формы предлагаемых респондентам ответов на вопрос об их отношении к переменам, заменив её тремя вариантами: «Нужны решительные, полномасштабные перемены», «Нужны лишь незначительные изменения», «Никаких перемен не нужно, пусть всё остается как есть» [5]. Полученные значения доли желающих «решительных перемен» (48% в 2017 г. и 62% в 2018 г. с учётом пропорционального распределения затруднившихся ответить) очень близки к доле тех, кто во время почти одновременных опросов Института социологии выбирал ответ о желании «существенных перемен» (соответственно 51 и 56%). Конечно, даже такой более радикальный дизайн анкеты не позволяет однозначно говорить о соотношении желающих эволюционных и революционных перемен, поскольку «решительные» перемены в принципе могут осуществляться и при доминировании количественных изменений над качественными.

Библиографический список

1. Бикбов А. Т. Грамматика порядка: историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: ИД ВШЭ, 2014. 432 с.
2. Волков Д., Колесников А. Мы ждем перемен. Есть ли в России массовый спрос на изменения? М.: Московский Центр Карнеги, 2017. 34 с.
3. Волков Д., Колесников А. 2019. Мы ждем перемен – 2. Почему и как формируется спрос на радикальные изменения. М.: Фонд Карнеги за Международный Мир, 2019. 16 с.
4. Завершение советской эпохи: оценки с дистанции в 30 лет (круглый стол) // Социологические исследования. 2021. № 12. С. 3–26.
5. Изменения и перемены // Левада-Центр. 19.06.2018. URL: <https://www.levada.ru/2018/06/19/izmeneniya-i-peremeny/> (дата обращения: 10.12. 2021).
6. Латов Ю. В. Идеологические векторы и скаляры действий сторонников перемен // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 15–28.
7. Латов В. Ю. От «революции» – к «трансформациям» и «переменам»? Развитие дискурсов анализа качественных общественных изменений // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 1. С. 7–22.
8. Латова Н. В. Акторы запроса на институциональные перемены в современной России (социально-психологический контекст) // Journal of Institutional Studies. 2019. № 11(3). С. 119–134.
9. Латова Н. В. Социально-экономическое положение акторов запроса на перемены // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 2. С. 7–26.
10. Мерзликин Н. В., Ростовская Т. К. Неопределенность и риски российской реальности: запрос на перемены // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2018. Т. 23. С. 71–79.
11. Мукомель В. И. Крым в ожидании перемен: социально-экономический контекст // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 141–156.
12. Мchedлова М. М., Кофанова Е. Н. Россия в ожидании перемен: религиозный фактор и социально-политические предпочтения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 1. С. 7–21.
13. Петухов В. В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 40–53.
14. Петухов В. В., Петухов Р. В. Запрос на перемены: причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 119–133.

15. Петухов В. В., Петухов Р. В. Социально активные группы российского общества: формирование запроса на демократическое участие // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 1. С. 16–38.
16. Петухов Р. В. Запрос на перемены: политико-ценностное изменение // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 103–118.
17. Рашкофф Д. Медиавирус! Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. М.: Ультра.Культура, 2003. 368 с.
18. Российское общество после президентских выборов – 2018: запрос на перемены. М.: ФНИСЦ РАН, 2018. 55 с.
19. Щербин В. К. Меметика как новая междисциплинарная наука и направление социальной семиотики // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2019. № 4. С. 40–47.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Латов Юрий Валерьевич, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Латова Наталия Валерьевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2S.817

EDN: FJHZAИ

«Request for Change» in Sociology and in the Media (In Memory of V. V. Petukhov – the «Inventor» of the Concept/Meme)¹

Yury V. Latov

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: latov@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-7566-4192

Nataliya V. Latova

Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: myshona@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0001-9315-2588

For citation: Latov Yu. V., Latova N. V. “Demand for change” in sociology and in the media (in memory of V. V. Petukhov – “Inventor” of the concept/meme). *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2S. P. 74–87. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2S.817; EDN: FJHZAИ

Abstract. One of the little-known merits of Vladimir Vasilievich Petukhov is the “invention” of the scientific term (and a media meme as well) “demand for change”, proved popular in recent years. Based on the ideas of the sociology of concepts and materials of content and discourse analysis of Russian media using SCAN-Interfax, the article attempts to trace the formation and development of this concept/meme, as well as to determine its content. First used in the late 1990s, it became viral at the turn of the 2000s-2010s, allowing to record the ups and downs of general social

¹ The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research, project “Social Transformation of Russian Society: Actors of the Demand for Change” No. 19-011-00277.

discontent, whilst at the same time not allowing to decide how this discontent correlates with traditional designations of socio-political conflicts. “Deciphering” the concept of “demand for change” requires understanding whether we are talking about the desire of modern Russians for revolutionary or evolutionary changes. V. V. Petukhov himself leaned towards an evolutionist interpretation, believing that the request for, first all, the expansion of democratic participation is far from a “revolutionary situation”. The final answer about the essence of this social phenomenon can only be given by the next decade of Russian history.

Keywords: demand for change, sociology of concepts, social consciousness, evolutionary and revolutionary changes

References

1. Bikbov A. T. Grammatika porjadka: istoricheskaya sotsiologiya ponyatiy, kotoryye menyayut nashu real'nost' [A grammar of order: a historical sociology of concepts that change our reality]. Moscow, ID VHSE, 2014: 432 (in Russ.).
2. Volkov D., Kolesnikov A. My zhdem peremen. Yest' li v Rossii massovyy spros na izmeneniya? [We are waiting for change. Is there a massive demand for change in Russia?]. Moscow, Carnegie Moscow Center, 2017: 34 (in Russ.).
3. Volkov D., Kolesnikov A. My zhdem peremen – 2. Pochemu i kak formiruyetsya spros na radikal'nyye izmeneniya [We are waiting for changes – 2. Why and how the demand for radical changes is formed]. Moscow, Carnegie Endowment for International Peace, 2019: 16 (in Russ.).
4. The end of the Soviet era: estimates from a distance of 30 years (round table). *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2021: 12: 3–26 (in Russ.).
5. Izmeneniya i peremeny. Levada-Tsentr. 19.06.2018. Accessed 10.12.2021. URL: <https://www.levada.ru/2018/06/19/izmeneniya-i-peremeny/> (in Russ.).
6. Latov Yu. V. Ideological vectors and scalars of actions of supporters of change]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2019: 12: 15–28 (in Russ.).
7. Latov Yu. V. From «revolution» to «transformations» and «changes»? The development of discourses for the analysis of qualitative social changes. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, 2021: Vol. 9: 1: 7–22 (in Russ.).
8. Latova N. V. Actors of the request for institutional change in modern Russia (socio-psychological context). *Journal of Institutional Studies*, 2019: 3: 119–134 (in Russ.).
9. Latova N. V. Socio-economic situation of the actors of the request for change. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, 2021: Vol. 9: 2: 7–26 (in Russ.).
10. Merzlikin N. V., Rostovskaya T. K. Neopredelennost' i riski rossiyskoy real'nosti: zapros na peremeny [Uncertainty and Risks of Russian Reality: A Request for Change]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedeniye*, 2018. Vol. 23: 71–79 (in Russ.).
11. Mukomel' V. I. Krym v ozhidanii peremen: sotsial'no-ekonomicheskii kontekst [Crimea in anticipation of changes: socio-economic context]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny*, 2019: 2: 141–156 (in Russ.).
12. Mchedlova M. M., Kofanova Ye. N. Russia in anticipation of changes: the religious factor and socio-political preferences. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*, 2020: Vol. 22: 1: 7–21 (in Russ.).
13. Petukhov V. V. The dynamics of social sentiments of Russians and the formation of a demand for change. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2018: 11: 40–53 (in Russ.).
14. Petukhov V. V., Petukhov R. V. Request for Change: Factors and Causes of its Actualization, Key Components and Potential Carriers. *Polis. Politicheskkiye issledovaniya*, 2019: 5: 119–133 (In Russ.).
15. Petukhov V. V., Petukhov R. V. Socially active groups of Russian society: forming a demand for democratic participation. *Vestnik instituta sotziologii*, 2021: 12: 16–38.
16. Petukhov R. V. Request for Change: Political and Value Dimension. *Polis. Politicheskkiye issledovaniya*, 2020: 6: 103–118 (in Russ.).
17. Rashkoff D. Mediavirus! Kak pop-kul'tura tayno vozdeystvuyet na vashe soznaniye [Media Virus! How pop culture secretly affects your mind]. Moscow, Ul'tra.Kul'tura, 2003: 368 (in Russ.).

18. Rossiyskoye obshchestvo posle prezidentskikh vyborov – 2018: zapros na peremeny [Russian society after the presidential elections – 2018: a request for change]. Moscow, FNISTS RAN, 2018: 55 (in Russ.).

19. Shcherbin V. K. Memetika kak novaya mezhdistsiplinarnaya nauka i napravleniye sotsial'noy semiotiki [Memetics as a new interdisciplinary science and direction of social semiotics]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya*, 2019: 4: 40–47 (in Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yury V. Latov, Doctor Sociological Sciences, Candidate of Economic Sciences,
Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS

Nataliya V. Latova, Candidate of Sociological Sciences,
Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS